

Образ, открытый во внутреннее и во внешнее пространство храма

Образ, открытый внутрь храма – собственно и есть тот пространственный образ, о котором мы уже так обильно изъяснялись. Образ, обрамляющий, окружающий человека, вмещающий человека внутрь себя. Образ, во-ображающий человека в предстоянии Богу, к восприятию Бога и Богом, созидающий собор личностей, во-ображённых в литургическом действовании. Образ, настраивающий душевный и духовный лад общего литургического действования. Это монументальный и архитектурный внутри-храмовый образ. Практиками исихии не указывается на необходимость молитвы перед художественно выраженным, изображённым образом Бога. Личный образ Божий в человеке безвиден, лишён всяческого изображения и пред-ставления, вмещён в тишину недр сердечных, словно бы внутрь безвидной плоти, окружённой безвидной клетью кельи – погружается сосредоточенный на слове молитвы ум, расширенный до пространств мира Божьего. Отстраняться от всяческого видимого образа учит практический исихазм... и не призывает к обе-образию, не отвергает почитания образа. Практическая молитва – преодолеывает образ и более нуждается в нём, пребывая во Христе, вмещая Живого Христа в сердечную глубину. Эти высоты не доступны мне, грешному, пересказывающему, несомненно, плохо понятые и не усвоенные слова отцов – действительных делателей умной молитвы. Мне, пловцу неопытному, так нужен образ, спасительный неф... ковчег на зыблющемся и бурливом пути.

Живописный образ, вообразив собою, может остаться вовне внутренней молитвенной исихии. Даже образ высот умопостигаемых, образный космос в исихастирии Преображенского храма может быть уже внешним по отношению к молитвенной вне-образной тишине не-опосредованного Богообщения внутри образа. Образ, расширяющий личность к едино-образию с Богом, к со-образности с Творцом – станет ли помехой во внутреннем делании исихии, раз-влечёт ли человеческий дух, исчерпает ли молитву и духовное созерцание, изгонит ли, разрушит ли тонкое и краткое со-пребывание, состояние, со-беседование, со-общение молитвенника с Богом. Станет ли видимый образ, самый высоко духовный рукотворенный – одебеливающей, разрушающей преградой, грубой помехой к духовному со-бытию человека с Богом? Мы ничего не смеем сказать на сей счёт, не имея никаких личных – опытных оснований к высказыванию. И мы лишь высказываем предположение об излишестве образа, пре-одолении образности на высотах и во глубине молитвенного Богообщения.

Вместе с тем, можем сказать, что образ монументальный в пространстве общей молитвы, общего служения – расширяет это Богослужбное пространство, присоединив к себе, во-образив в себя человека и происходящее таинство, - до образной сопричастности Богу, до личного причащения со-молитвенников, сослужащих в пространстве образа. Образ созиждет как бы скинию таинству, сень, благодатную и благоприятную к Богообщению. Изображённое – созидает не иллюзорный, но действительно – воображающий образный мир, вдохновляющий человеческое чувство, собирающий и организующий, уцеломудривающий разрозненные человеческие составы, назидующий, укрепляющий, ободряющий и питающий - личное возделывание молитвы. Возможно, быть может, желанно, чтобы вызревшая, созревшая, произросшая ко Господу молитва уже перерастала сам образ – посредник. Господь войдёт к человеку и образ-проводник отступит на время личной встречи с Творцом, если таковая ожидает человеческое

существо на пути жизненного духовного шествия. Образ – отступит, но на краткий миг. Так помышляем из неведения своего... краток миг Бого-ведения, осязательного, осязательного приобщения человека ко Христу. И вновь – обратится человек с тоскою о произошедшем, с тоскою о безвидном и несказанном - былом - осиянии личной встречи, с тоскою и поиском пути возвращения к ней... с тоскою, взывающей к памяти о произошедшем... И – вновь тогда так скоро отзовется тоскующей о Господе душе – образ Божий. Образ – разрушит, прекратит уединённое человеческое существование, сократит и выправит путь возвратный, выправит путь Христа к человеку тоскующему о Нём... образ – и укрепит вновь, и обнадёжит памятью осязаемой, и удивит залогом новой встречи.

Иное осмысление допускаем в рассмотрении образа по отношению ко внешнему, окружающему миру, когда образ не обрамляет, не вмещает в себя личную человеческую молитвенную исихию, цветущую только лишь внутри храмового пространства, внутри пространства молитвенной кельи, затворённой изнутри... Храм или малая келья, как целостный образ - являет собою монументальную икону и действительно духовное средоточие для окружающего мира, для окружающей преходящей действительности. Образное пространство, вместившее молитву, входит сущностным содержимым в секуляризованную, расцерковлённую, склонную к энтропии, к без-образию - обыденность. Образ-храм в некотором смысле суживает и напрягает окружающее пространство, организует простор, противостоит энтропии, привлекает к своей неприступной духовной вертикали. Разрушаются храмы – и разрушаясь, гниёт мир сей, тонет в без-образии обезславленной вместе с человеком... «как не имам плакаться, егда помышляю смерть, видех бо во гробе лежаща брата моего, безславна и безобразна? Что убо чаю, и на что надеюся...» (Канон Покаянный, Песнь 8) Повторюсь, в этом рассуждении мы имеем в виду храм и человека исключительно, как образ Божий в мире и мир как творение Божье, окружающее храм. Храм - образ энергично организует, эгоцентрично вовлекает в себя пространство внешнее храму, - окружающее, удалённое, от-чуждённое – оно влечётся к образу, как средоточию, сердцевине этого мира, - из этой сердцевины образа – возносится осанна Богу, проявленному в мире сем. Храм, как образ Бога – собирает собой, вмещает в себя, сосредотачивает на себе окружающее пространство, окружающий мир. Но храм - образ есть не только видимая вертикальная скрепа неба и земли, не только некий духовный столп, стержень, поддерживающий духовное Небо над землёю. Сотворённый мир – вливается внутрь храма – образа, словно бы под-чиняясь, со-чиняя себя на нити Любви Господней, которыми Господь влечёт к Себе. Эти связующие нити Любви, Обращены к Творцу из-ображены на мире – образе Божьем, словно бы видимыми законами силовых линий обратной перспективы. Силовые линии окружающего ландшафта, окружающего пейзажа, возвышающихся небес, простирающихся морей... - устремлены к этой точке схождения – ко храму - образу. Что этот пейзаж, когда бы не было в нём средоточия, смыслового центра – образа, в котором проявлен Бог, места, где Бог Христос таинственно и откровенно во-площается в человека, пространства, внутри которого может быть преодолена магия образности в со-общении со вне-образным, превыше-образным Богом. Средоточие мира сего во Христе - выявляет собою храм в идеальном, великолепном своём устройении. Храм вос-певает осанну Господу Грядущему и Входящему, как и осанну миру, несущему в себе Христа, текущему на встречу Христу... миру, как иконе, в которую вникает Бог, из которой исходит к нам Бог наш. Осанна миру вне Христа – есть поклонение идолу, древнее язычество, либо

новые веяния «проклятого афеизма». Зачастую эта осанна встречи мира и Бога составлена мастерами молитвотворчества затейливой знакописью, сложной символикой, открытой в мир, полифонией символов, образующих, во-ображающих мир ко приятию в него Бога. Вспомним внешнее украшение стен Дмитриевского собора во Владимире... Что это, как ни встречный гимн Господу, входящему в Иерусалим православной ойкумены. Вспомним икону коломенской архитектуры, как встречный гимн Господу, грядущему во Втором пришествии. Дозволим себе помыслить так, что каждый православный храм является таковым встречным гимном Творцу. Белоснежным гимном, изукрашенным, испещрённым – велико-лепным – гимном Богоприятия. Внешность, облик храма – целостная икона, находящаяся в центре мироздания, в центре сотворённого мира. И каждый храм во Славе Господней – есть освящённый центр сотворённого мира, внутри которого рождается, приносится в жертву и даруется нам – Христос. Всякий храм, как и храм человеческого естества – сердцевина мира. Так говорим о храмоцентричности мироздания, не как только о мировоззренческой концепции, но онтологической данности, существующей помимо нашего понимания. Нам – возможно ощутить храм – образ таким, каков он есть помимо нашего ощущения, помимо нашего суждения о нём, - как двусторонний и объёмный образ Божий, в мире, в каждом живом человеке. Образ - храм раскрыт к проникновению в него извне, - образ раскрыт живому человеку, приникающему к совершающемуся здесь таинству, к принятию Господа. Образ-храм раскрыт для восприятия Бога всей окружающей природе, жаждущей и ждущей, впускающей Христа. Господь – силен проникнуть... - и проникает сквозь видимое. Притягательный центр этого проникновения – точка, храм, утверждённый великолепием и совершенством архитектурного устройства, вознесённый от земли сиянием воинственно заострённой главы – шелома – голгофы, увенчанной свещёю – крестом... Храм – витязь в белоснежных облачениях, исполненный замысловатых знаков, испещрённый символами, обращёнными внутрь и во вне.

Образ растворён, раскрыт во внешнее пространство, к нам, внешним, к уразумению нашему, к опаматованию, к пробуждению – зовёт, взывает к себе, взывает в себя, - взывает приникнуть к себе, проникнуть в свою глубину ко встрече Первообраза... Ничего поверхностного, ничего вторичного, ничего несущественного – не сущностного не содержит в себе, никакого пустого стаффажа, ни единого красного словца, бряцающего всеу, заполняющего лакуны. Образ в своей чистоте – есть глас Божий, призывный, влекущий, заманивающий... мановение чутких крыл, вовлекающих к Богу. Словно бы наброшенный Ловцом - аркан, стиснувший благо-приятную, уловленную душу... порой трепещущую, противящуюся... Бог наделяет образом наше сыновство, наше свободное или приневоленное грехом блуждание пред Ним, через образ Свой - уделяет частью Своего существования, не умаляя Себя – восполняет нас. Вот такая видится цель, задача пробуждающего нас образа. Сведём ли эту задачу, эту полноту Божией озабоченности нами – к рассмотрению и восприятию одной только техники живописания, к некоему эстетическому прелюбодействованию с этой живоносной красотой. Всецело – себя предлагает нам этот образ, эта живопись... и покусимся ли только на внешнюю привлекательность. Посмеём ли опошлить это небо своим тучным измышлением о нём...

Распахнут образ в мир. Увидим ли свет его, проходя мимо. Привлекает образ красотой, как бы дева уневещенная – влечёт к себе. И распахивается пред нами несказанное чудо – мир Божий, открывающийся в приближении к образу. Можно ли здесь

говорить об одном только утилитарном назначении свершающегося пред образом: научить православия, уверить, утвердить сомнительных, возбудить ревность к вере, изъяснить уразумительно и наглядно некие догматы... всё это, безусловно, присутствует, но не ограничивается этим – образ. Осторожничал ли святой Иоанн Дамаскин, рассуждая о допустимости освежить, оживить память – изображением неизобразимого. Не покушался в суждениях святой Иоанн на то, чтобы Неизобразимое Божество было изображено в некоей исчерпывающей полноте... Осторожничал ли святой Иоанн, не говоря о дуновении Святого Духа, сквозящем через образ, не излагая мысли о возможности – проникновения, приникания через образную видимость... не как через некий тайный ход к Богу, но как чрез врата, распахнутые Им Самим перед нами. Непосредственно – к Богу следуем в виду образа, ко Христу, приносящему нам Своё изображение. Собственно об этом и глаголет нам предание об образе Нерукотворном в Эдессе. Сам Христос - идёт к почитавшему Его Авгарю, передавая ему лишь Свой образ, не сотворённый руками изографа, мастера живого письма. И образ – приходит к почитающему, исцеляет его, уверяет, о-свящает, действительно приобщая к Живому Богу. Почитающий образ Авгарь, со-общается Христу, Спаситель через образ со-общает Авгаря с Собой. Можно ли сравнить образ Нерукотворённый и образы творимые руками человек... ужели нет... Человеческая природа Христа – запечатлена на природе человеческой, как плате, убресе. Человеческая природа Христа – запечатлена на камне фрески, на дереве иконы – не без вдохновляющего участия Бога. Руки мастера – словно бы некие проводники со-участвующей в образотворчестве силы Божьей, - через них истекает сотворение образа. Руки лишь орган Божий в человеческом теле, орган, творящий образ живописный. Язык – орган тела, творящий образ словесный. Сердце – как орган, оживотворяемый образом Божиим, средоточие образа Божьего в человеческом естестве... Не своими силами человек про-износит, про-изводит будто бы из самого себя – запечатлевает образ. Именно поэтому наши благочестивые предки – возносили честь образотворца – к чести священнослужительской... уравнивали, при-равнивали действия священно-служителя к действию образотворца, изографа, живописующего духовную жизнь. Не руки мастера, не язык гимнографа – творят образы, но слава Божья, слово Господнее, преизбытствующее благоволение Божье – действует в творящих человеческих руках. Сам Бог - образотворствует этими руками, священно-действует ими. Человеческими руками изготовлен потир, выращен виноград и хлеб, человеческое приношение содеяно в о-формленную людьми упорядоченность Богослужбных последований. И делание рук человеческих, пре-поднесённое Богу пре-существляется Им. Таинство – сходит на делание рук. Таков животворящий, животворный, живо-писанный – образ. Такова высота торжествующего православия. Такова высота монументального из-ображения Бога и пре-ображения, во-ображения человека... высота не сводящая небо к земле, но от-кровения в запечатлении образа во свете и цвете – Боговедения на языке символа и образного со-бытия с Богом. Такова высота трудов, велико-лепных усилий Богослова, зело хитрого философа, изографа Феофана Гречанина. Сумеем ли возвыситься, да хоть бы устремиться взором к этой высоте, приподнять к ней голову, восхитить себя ею к созерцанию Бога в образе Его. Благослови же благодарных, жаждущих созерцателей твоих трудов, твоих последователей, восприемников твоих усилий, твоего видения... благослови сам, отче Феофане. Вручим себя, доверим образам этим – да возведут они чрез себя к Творцу всяческих. Господи, благослови!